

Н.С. Тимашев и его «Введение в социологию права»

Публикуемая работа, по признанию ее автора, является расширенным изложением тех лекций по социологии права, что Н.С. Тимашев читал в Политехническом университете Петрограда в 1918–1920 гг. Рукописи лекций были утеряны при эмиграции мыслителя из Советской России в 1921 г., их содержание он воспроизвождал по памяти¹. Трудно судить, насколько существенным был тот первоначальный методологический задел для «Введения в социологию права» (далее «Введение»), что Н.С. Тимашев подготовил по материалам своих лекций в Петрограде. Непосредственно после эмиграции учений написал только одну статью по данному предмету, что вышла в берлинском эмигрантском журнале в 1922 г. и была посвящена коллективно-психологической природе права². Опубликованные во второй половине 1930-х в США ряд работ Н.С. Тимашева на английском и одна статья на французском являлись подготовительными материалами, которые потом опубликованы в 1939 г. в качестве глав «Введения».

Конечно, сказанное выше не означает того, что развивающийся Н.С. Тимашевым комплекс социолого-правовых идей не претерпел существенных изменений за годы, предшествующие публикации монографии в 1939 г. Скорее наоборот, имеющиеся материалы дают основания предположить, что развиваемый мыслителем изначальный социолого-правовой метод в ряде аспектов значительно отличался от того методологического подхода, что Н.С. Тимашев представил во «Введении к социологии права». На это указывал и сам мыслитель, сожалея о публикации английского перевода статьи 1922 г. без внесения в нее уточнений и оговорок применительно к

¹ Тимашев Н.С. 1915–1921 // Юбилейный сборник Санкт-Петербургского политехнического института. Париж, 1956. № 2. С. 118. См. также предисловие Тимашева к публикуемому ниже «Введению».

² Тимашев Н.С. Право как коллективно-психологическая реальность // Труды русских ученых за границей. Т. 2. Берлин: Слово, 1922. См. комментированное переиздание этой работы в: Известия вузов. Правоведение. 2016. № 1. С. 189–209.

масштабному пересмотру своей теории, что он предпринял за более чем пятнадцать лет до публикации «Введения»³. Но насколько существенными могли быть эти изменения? На этот счет сам мыслитель не оставил подробного комментария, также нет и архивных материалов, которые бы позволили воспроизвести содержание его лекций в Политехническом институте. В настоящей вводной статье мы попробуем восстановить логику эволюции социолого-правовой мысли Н.С. Тимашева и дать свой ответ на этот вопрос.

«Введение» представляет собой хорошо структурированную и продуманную исследовательскую работу, в которой мыслитель, с одной стороны, подводит итог развитию социологии права в Европе и США до конца 1930-х гг.⁴, и, с другой, предпринимает попытку соединить две относительно разнонаправленные траектории развития этой дисциплины — европейскую и американскую⁵. Интеграцию этих двух траекторий он считал возможным за счет сочетания бихевиоризма с аксиологическим анализом права и других социальных явлений, с использованием методов социологии, психологии и истории. Этот интегративный замысел не может не напомнить масштабный проект П.А. Сорокина по комплексному изучению социальной динамики или социолого-правовой проект Г.Д. Гурвича, что заставляет задуматься над общими интеллектуальными источниками их методологических взглядов. Если бы в 1920 г. мыслитель смог опубликовать свой манускрипт лекций, подготовленный по материалам лекций, что он тогда читал в Политехническом университете Петрограда, то он, возможно, мог бы стать одним из родоначальников этой дисциплины, вместе с О. Эрлихом, М. Вебером и Р. Паундом⁶. Но этого не случилось, и

³ Тимашев Н.С. Как я стал социологом // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 126.

⁴ Обзор литературы и научных дебатов, что приводится во «Введении», ограничен преимущественно теми научными сообществами, языками которых владел автор (русский, английский, немецкий, французский и итальянский).

⁵ См. о развитии этих двух траекторий: Deflem M. Sociology of Law: Visions of a Scholarly Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

⁶ Новицкий Г.И. Жизненный и академический путь профессора Н.С. Тимашева / Под ред. Н.Н. Полторацкого, П.А. Сорокина. На темы русские и общие: сб. ст. и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева. Нью-Йорк, 1965. С. 18.

посвященная социологии права книга вышла лишь через двадцать лет после презентации Н.С. Тимашевым своего курса по теории права с социологической перспективы. Что, впрочем, не препятствует тому, чтобы рассматривать публикацию «Введения» как одну из важнейших вех в становлении социолого-правовых исследований⁷. Хотя нельзя не признать, что значимость высказываемых в этой работе идей отчасти утратила свою актуальность к концу 1930-х гг., чем объясняется достаточно сдержанная реакция на ее появление в американском и европейском научных сообществах.

У каждой книги есть своя судьба и своя долгота дней — это высказывание особенно подходит для публикуемой ниже книги Н.С. Тимашева, основной методологический замысел которой, по признанию автора, основан на его дореволюционных исследованиях. Замечательный российский правовед из плеяды учеников Л.И. Петражицкого, Н.С. Тимашев начал изучать социолого-правовую проблематику, читать лекции и публиковать работы в дореволюционной России. Так же как и ряд его товарищей по Петроградскому университету (особенно П.А. Сорокин и Г.Д. Гурвич), он попытался применить методы социологии и психологии к правопознанию, примерно в то же самое время, когда первые социолого-правовые исследования были предприняты в Европе и США.

В своем изначальном видении методологии этих исследований Н.С. Тимашев пытается совместить «методологический индивидуализм» Л.И. Петражицкого (исследование права путем анализа данных индивидуальной психики, эмоциональных переживаний отдельных индивидов) с «социальной метафизикой» таких авторов как Э. Дюркгейм, которые пытались вывести закономерности правового регулирования из законов развития общества. В своих работах Н.С. Тимашев акцентирует свое несогласие с «методологическим индивидуализмом» Л.И. Петражицкого и неоднократно повторяет свое основное критическое замечание — интроспективный анализ собственных переживаний сам по себе не приводит к объяс-

⁷ Некоторые исследователи называют Тимашева в числе основоположников социологии права. Напр., Bierstedt R. Nicholas S. Timasheff, 1886–1970 // The American Sociologist. 1970. No 5 (3). P. 290–291.

нению внешних фактов. Гораздо важнее влияние на людей властных предписаний и вызываемых этими «нормативными фактами» (в терминологии Л.И. Петражицкого) представлений адресатов норм. Поэтому мыслитель считает единообразие поведения и переживания людей прямым результатом воздействия властных директив, выражая в этом отношении учению Л.И. Петражицкого о эволюционной адаптации поведения и мотивации людей к идее общего блага. Важен не только сам по себе факт скоординированного поведения людей, на котором мыслитель изначально строит понимание права как «коллективно-психологического явления», но также и то, как эта властно-этическая координация гарантируется во властных предписаниях и как эти последние воспринимаются, интериоризируются в психике отдельных индивидов, воплощаются в их поведенческих актах.

Говоря о частичной рецепции мыслителем методологических принципов Л.И. Петражицкого⁸, нельзя не упомянуть влияние, оказанное на становление социолого-правовых идей Н.С. Тимашева исследованиями по рефлексивной психологии, которые проводил в дореволюционном Петербурге профессор И.П. Павлов. Ощутимым было влияние российской социологической теории (М.М. Ковалевский, Н.Н. Кареев) и юриспруденции, развивающейся с социологическими позиций (С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, В.М. Хвостов). В исследовательских работах Н.С. Тимашева также заметно влияние его непосредственного университетского наставника — профессора уголовного права Санкт-Петербургского университета А.А. Жижиленко, который в своих работах также развивал социологический анализ действия уголовного права, с особым акцентом на социальном эффекте уголовного наказания в разных социальных сообществах. На влиянии концепций Н.М. Коркунова и А.А. Жижиленко на становление его методологии исследования права акцентирует внимание сам мыслитель⁹.

⁸ Эта рецепция была выборочной — в автобиографической статье Н.С. Тимашев упоминает про споры с «поклонниками Петражицкого», что он вел еще в студенческие годы (Тимашев Н.С. Как я стал социологом. С. 125). Сдержанность мыслителя при характеристике теории Л.И. Петражицкого заметна и во Введении.

⁹ Тимашев Н.С. Как я стал социологом. С. 125.

Все эти влияния и направления мысли нетрудно распознать во «Введении в социологию права», где Н.С. Тимашев дает обильные ссылки на русские источники своей теории и проводит интересные параллели с аналогичными направлениями в американских и западноевропейских научных исследованиях начала XX в. Вместе с тем, исследования мыслителя в первое десятилетие после эмиграции оказались связанными с иными предметами. Среди основных направлений исследований Н.С. Тимашева во время работы в Пражском университете (1923–1928 гг.), а затем в Париже в Институте славянских исследований Сорбонского университета и Франко-русском институте (1928–1936 гг.) были дореволюционное право России, советский государственный и общественный строй, советское право и другие проблемы, которые впоследствии станут объединять под рубрикой «советология». Проблемы методологии социальных наук в этот период времени вынужденно оставались на периферии внимания мыслителя, что отражают, в том числе, и написанные им в тот период работы — только одна из них (статья 1922 г., к обсуждению которой мы вернемся ниже) касается проблематики социолого-правового метода. Н.С. Тимашев так резюмирует этот факт в своем автобиографическом очерке: «Тогда обстоятельства сложились неблагоприятно для моего перехода от юриспруденции к социологии»¹⁰.

В связи с вынужденным отрывом исследований Н.С. Тимашева от социолого-правовой проблематики, высказанные во «Введении» мысли и представления, актуальные для начала 1920-х гг., отчасти утратили свою значимость к моменту публикации этой книги в конце 1930-х гг. Данная монография замечательно характеризует развитие российской социолого-правовой мысли к началу 1920-х гг. и, в более широком контексте, целой восточноевропейской традиции социологии права того времени¹¹. Лишь с середины 1930-х гг., когда П.А. Сорокин привлек своего бывшего коллегу по Петроградскому университету к проводимому им в Гарвардском универ-

¹⁰ Тимашев Н.С. Как я стал социологом. С. 126.

¹¹ Treviño A.J. Toward a General Theoretical-Methodological Framework for the Sociology of Law: Another Look at the Eastern European Pioneers // Ulmer J.T. (ed.) Sociology of Crime, Law, and Deviance. Greenwich: JAI Press, 1998. P. 155–202.

ситете исследовательскому проекту по социальной динамике, у Н.С. Тимашева появилась практическая возможность вновь сосредоточиться на социальных науках и методологических проблемах исследования права с позиций социологической теории.

Как без труда можно увидеть на страницах «Введения», мыслитель предпринял титанические усилия (особенно после переезда в 1936 г. в США), чтобы наверстать упущенное и соотнести свои методологические представления с последующим развитием социальных наук на Западе, но эти усилия остались на уровне обсуждения параллелей в росте научного знания о праве и обществе в России, Западной Европе и США. С другой стороны, для Н.С. Тимашева, вероятно, была плохо понятны причины замкнутости американского научного сообщества в том, что касается отсутствия сколько-нибудь значимого интереса к развитию правовых исследований европейскими (особенно континентальными) учеными. Считая такую замкнутость следствием отсутствия информации об этих исследованиях, мыслитель предпринял во «Введении» отважную миссионерскую попытку очертить ключевые направления развития социальных наук в Европе и их результаты, сопоставить их с господствующими в американских социальных науках бихевиоризмом и функционализмом. В аспекте обладания этим знанием в рассматриваемой области Н.С. Тимашев мог по праву считать себя одним из ведущих специалистов в США. Этот пласт материала стал второй смысловой осью, вокруг которой организовано изложение идей автора во «Введении» (первый пласт — это, собственно, те методологические принципы мыслителя о сущности права и его соотношении с нравственностью и политикой), обоснование которых составило основную задачу «Введения».

Эти миссионерские усилия Н.С. Тимашева по «просвещению» американской научной публики и по описанию изучаемых ею проблем на языке континентальной научной традиции не встретили понимания и оценивались рецензентами его работы скорее негативно. Если знаменитый правовед, поддерживавший Н.С. Тимашева в его первых шагах по карьерной лестнице американской науки, профессор Дж. Холл

отметил, что «Тимашев внес значимый вклад в разработку качественного введения в социологию права»¹², то профессор Нью-Йоркского университета Хэрви Пинни нашел в рецензируемой работе «небрежное, неточное и некорректное использование терминов, нечеткое обобщение, зачастую не имеющей доказательственной поддержки, а автор не смог адекватно осмыслить цитируемые материалы и развить четко проработанную логико-научную систему для осуществления анализа социологии права»¹³. Эрик Веглин дал, пожалуй, самую развернутую и объективную рецензию, в которой работа Тимашева представлена как важный вклад в дискуссию о социолого-правовых методах, хотя при этом указал на ряд недоказанных методологических посылок и некорректный подбор терминологии¹⁴. Схожим образом Макс Рейнштейн в своей в общем положительной рецензии, с одной стороны, воздал должное «замечательной способности Тимашева упорядочить огромный материал и его тонкому критическому вкусу»¹⁵, упоминая, с другой стороны, о спорном и непривычном для американского читателя использовании терминов «этика», «право» и других ключевых понятий его работы.

Профессор Хоффман хоть и охарактеризовал работу в положительном свете, но саркастично добавил, что «используемый в книге метод несколько отличается от стандартного метода, используемого социологами — материал представлен в весьма абстрактной форме, а не состоит из наблюде-

¹² Hall J. Book Review. Timasheff N.S. An Introduction to the Sociology of Law // American Journal of Sociology. 1942. No 47. P. 767. Аналогичные хвалебные рецензии, но с порицанием «странных использования Тимашевым терминологии», написали проф. Моргентай и проф. Канторович: Morgenthau H.J. Review of N.S. Timasheff's An Introduction to the Sociology of Law // Yale Law Journal. 1940. No 49. P. 1510–1513; Kantorowicz H. Book Review: N.S. Timasheff. An Introduction to the Sociology of Law // Law Quarterly Review. 1940. No 53.

¹³ Pinney H. An Introduction to the Sociology of Law. By N.S. Timasheff. Cambridge: Harvard University Committee on Research in the Social Sciences, 1939 // Social Forces. 1940. No 18 (3). P. 456.

¹⁴ Voegelin E. Two Recent Contributions to the Science of Law. N.S. Timasheff, An Introduction to the Sociology of Late, (Harvard Sociological Studies, vol. III), Cambridge: Harvard University Committee on Research in the Social Sciences, 1939, Edgar Bodenheimer, Jurisprudence, New York and London: McGraw-Hill Book Company, 1940 // The Review of Politics. 1941. No 3 (3). P. 399–404.

¹⁵ Rheinstein M. Two Recent Books on Sociology of Law // Ethics. 1941. No 51. P. 221.

ний за конкретными случаями»¹⁶. Эту критику развивает, уже более недвусмысленно, другой рецензент: «Если студент или юрист начнет изучать право как социальный институт при помощи таких книг, как книга Тимашева, то интерес такого студента или юриста к этой захватывающей теме скорее всего будет подавлен — книга слишком сложна»¹⁷. Другой рецензент отметил в том же скептическом духе, что эта книга представляет собой не столько введение в социологию права, сколько трактат по философии права¹⁸. В своей рецензии проф. Уильям Сигл замечает, что «несмотря на презрение Тимашева к философии права, он создал не что иное, как еще одну философско-правовую концепцию»¹⁹.

Эти рецензии, в целом, дают общую картину восприятия книги Н.С. Тимашева американскими критиками. С одной стороны, позитивная оценка самого методологического замысла рассмотрения права как точки пересечения морали и политики, этической и императивной координации. С другой стороны, неприятие способа изложения автором материала — при помощи методов и терминов, малопонятных американскому читателю, с позиций сразу нескольких конкурирующих между собой методологических подходов²⁰. Такое амбивалентное

¹⁶ Hofmann J.E. An Introduction to the Sociology of the Law by N.S. Timasheff // Social Forces. 1940. No 6 (3). P. 346.

¹⁷ Hanft F.W. An Introduction to the Sociology of Law. By N.S. Timasheff. Cambridge: Harvard University Committee on Research in the Social Sciences, 1939 // North Caroline Law Review. 1939. No 18. P. 90.

¹⁸ Mirkovich N. An Introduction to the Sociology of the Law by N.S. Timasheff // The Philosophical Review. 1941. No 50 (4). P. 448.

¹⁹ Seagle W. Timasheff N.S. An Introduction to the Sociology of Law // The Annals of the AAPSS. 1941. No 27 (1). P. 208.

²⁰ Так, профессор Тревиньо пишет о том, что «отказ Тимашева от использования единой концептуальной модели и его опора на множество теоретических перспектив (бихевиоризм и интерпретивизм, системно-функциональный подход и конфликтология, индивидуальное наблюдение и интроспекция) привели к тому, что его социолого-правовая теория предложила современным ему исследователям множество путей развития, но оказалась неспособна это развитие направлять. Весьма вероятно, что именно эта смесь методологических перспектив и модальностей препятствует их конвергенции и является причиной неудачи предпринятой Тимашевым попытки сформулировать систематическую теорию права, то есть логически последовательную концептуальную схему права» (Treviño A.J. On Nicholas S. Timasheff's An Introduction to the Sociology of Law // Treviño A.J. (ed.) Classical Writings in Law and Society. New Brunswick: Transaction Publishers, 2011. P. 221).

восприятие в известном смысле подтверждает слова автора в предисловии о том, что методологические рамки этой книги были сформулированы еще в России за два десятилетия до публикации «Введения», в терминах и схемах, приспособленных скорее для российской или западноевропейской научной общественности.

В этой связи неудивительно, что данная монография была фактически забыта в американской социологической науке и юриспруденции — в научных дебатах американских исследователей о методах социологии права она до недавнего времени упоминалась лишь изредка²¹. Переиздание книги 1939 г. профессором Тревиньо в 2001 г. несколько изменило ситуацию, что дает надежду на то, что «Введение» займет заслуженное место в пантеоне англоязычных работ, заложивших основы социологии права²². Не меньшее значение принадлежит этой работе и как одной из ключевых вех в развитии социолого-правовой проблематики в отечественной научной традиции.

Каким же был первоначальный методологический подход Н.С. Тимашева, сформулированный им до эмиграции? Как признает ученый, сам по себе выбор лекционного курса по социологии права был отчасти случайным — предложение декана экономического факультета (отделения) Политехнического института А.Г. Гусакова прочитать курс общей теории права на социологической основе для студентов-экономистов застало мыслителя врасплох; понадобился месяц на обдумывание этого предложения, прежде чем Н.С. Тимашев согласился и начал читать курс²³.

Опубликованная уже в годы эмиграции статья Тимашева о коллективно-психологической природе права²⁴ в сжатом

²¹ К примеру, в статье 2001 г. под названием «Социология права в США» имя и труды Н.С. Тимашева вовсе не упоминаются: Baumgartner M. The Sociology of Law in the United States // The American Sociologist. 2001. No 32 (2). P. 99–113.

²² См. об этом: Тревиньо А.Х. Актуальность классиков для современной социологии права: американский контекст // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 5. С. 26–47.

²³ Тимашев Н.С. Как я стал социологом. С. 125–126.

²⁴ Тимашев Н.С. Право как коллективно-психологическая реальность // Труды русских ученых за границей. Т. 2. Берлин: Слово, 1922. См. переиздание этой работы в: Известия вузов. Правоведение. 2016. № 1. С. 189–209.

виде сформулировала постулаты его теории, которая была разработана в годы чтения лекций в Политехническом университете и которая потом будет развита в его книге 1939 г. Двумя основными фактами, из которых мыслитель выводит социальное измерение права, являются наличие социального порядка и наличие власти, которая гарантирует этот порядок. В этой статье мыслитель опирается на три методологических постулата учения Л.И. Петражицкого, а именно: признание императивно-атрибутивного характера правовых норм; использование теории нормативных фактов; идея независимости права от возможности внешнего принуждения — эти постулаты останутся основополагающими для социолого-правовой теории Н.С. Тимашева и в последующие годы²⁵.

Ученик Н.С. Тимашева Джозеф Шойер схожим образом охарактеризовал социологические принципы, на которых зиждется социолого-правовая концепция своего учителя: 1. Общество и социальные системы суть самоопределяющиеся с точки зрения их культурного и персонального элементов; 2. Каждый из них способен изменяться в своих пределах. Это изменение не определяется внешними факторами, но переменными внутренними, присущими культурному и персональному элементам; 3. Социальные структуры и их движущие силы должны изучаться как человеческие процессы, а не только как процессы биологические или механические²⁶.

Краткое изложение методологических оснований социологического исследования права, что Н.С. Тимашев дал в сборнике под редакцией А. Боскова и Г. Беккера спустя более тридцати лет после публикации статьи о коллективно-психологической реальности права, а также данная Дж. Шойером характеристика позволяют сделать вывод, что сами эти ос-

²⁵ Эти три принципа сформулированы в главе «Развитие социологии права и ее сфера», написанной Н.С. Тимашевым в для сборника, вышедшего под редакцией Г. Беккера и А. Боскова в 1957 г. (русский перевод: Г. Беккер, А. Босков. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 487). См. аналогичную точку зрения другого воспитанника школы Петражицкого — Максима Лазерсона: Лазерсон М.Я.: 1) Петражицкий как творец науки права // Сегодня (Рига). 1931. № 139; 2) Die Russische Rechtsphilosophie // Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie. 1932/1933. № 26. S. 317–318.

²⁶ Шойер Й.Ф. Социология Н.С. Тимашева // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 120–124.

нования на самом деле существенным образом не изменились с 1922 г.²⁷ В последующих работах на английском языке Н.С. Тимашев заменяет термин «коллективно-психологическое» на термин «социальное», тем самым сужая перспективу психологического подхода Л.И. Петражицкого в пользу бихевиористского анализа. Такое переосмысление указывает на желание сблизиться с бихевиоризмом, лежащим в основе реалистической юриспруденции. Применение логики условных рефлексов к объяснению действия права виделось ему в качестве способа сближения, с этих позиций мыслитель утверждает, что коллективные этические представления «формируют систему социального регулирования и их действие проявляется в существовании у членов соответствующей социальной группы (по меньшей мере, у многих из этих членов) стандартизованных и поэтому практически тождественных реакций, что подвигает этих людей на то, чтобы стереотипично реагировать на определенные ситуации»²⁸.

В дальнейшем, как справедливо отмечает проф. Шифф, Н.С. Тимашев вновь отходит от бихевиоризма и веры в то, что по внешнему поведению людей можно определить мотивы этого поведения и силы, которые определяют поведенческий выбор²⁹. Его последние работы сосредоточены на исследовании внутренней логики самого опыта, а не внешних форм его проявления и мысленных форм для его описания³⁰. Характеризуя эту смену перспектив и отличие своего подхода в английской книге 1939 г. о социологии права от предшествующих взглядов, Н.С. Тимашев пишет: «Главное изменение было в том, что право трактовалось как социальное, а не психологическое явление. Это была плодотворная мысль: она привела к употреблению нескольких понятий об обществе. В частности, понятие власти,

²⁷ Антонов М.В. Коллективно-психологическая реальность права Н.С. Тимашева // Известия вузов. Правоведение. 2016. № 1. С. 182–188.

²⁸ Timasheff N.S The Social Reality of Ideal Patterns // Journal of Legal and Political Sociology. 1944–1945. No 66 (3). P. 82.

²⁹ Schiff D. N.S. Timasheff's Sociology of Law // Modern Law Review. 1981. No 44. P. 412.

³⁰ Шойер Й.Ф. Социология Н.С. Тимашева. С. 120. В этом можно увидеть постановку вопроса, общую для многих исследователей, вышедших из круга Петражицкого. Напр.: Тимошина Е.В. Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л.И. Петражицкого // Известия вузов. Правоведение. 2010. № 6. С. 179–195.

притом политической власти, территориальной (распространяющейся на определенную территорию) и притом высшей власти, т.е. не подчиненной никакой эмпирической власти и потому могущей быть исследуемой научными приемами»³¹.

Но значимость этой смены перспектив нельзя переоценить — как в 1922 г., так и в 1939 г. право для Н.С. Тимашева — это социо-психическое явление, объясняемое с перспектив как коллективной психологии, так и теоретической социологии. Н.С. Тимашев ставит вопрос об изучении права как проявления биопсихического опыта отдельных людей и человеческих коллективов, как точки пересечения этики и власти³². Мыслитель не стал переносить акцент в социологическом исследовании права с изучения коллективного поведения на индивидуальные поведенческие паттерны, что было общим местом в американской социологии того времени. Роль судей и вообще юристов ему видится гораздо более скромной, чем представителям американского реализма. Функция юристов — определять поведение других через систему идеальных общезначимых образцов поведения, которые не зависят от выбора этих юристов, а исходят от властных органов, подкрепленные их авторитетом³³. Поэтому для мыслителя важно изучать не индивидуальные особенности судей и не их поведенческие акты, а те образцы поведения, по отношению к которым эти акты оцениваются как нормальные или отклоняющиеся. В этом и многих других отношениях ему не удалось встроить свое исследование в контекст реалистической юриспруденции, хотя в этом отношении Н.С. Тимашев зашел, пожалуй, дальше других последователей Л.И. Петражицкого.

Отраженный в статье 1922 г. социолого-правовой проект Н.С. Тимашева во многом напоминает схожие идеи, развитые в то же самое время и практически в том же научном дискурсивном пространстве О. Эрлихом, М. Вебером и Г.Д. Гурвичем³⁴.

³¹ Тимашев Н.С. Как я стал социологом. С. 128.

³² Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. С. 488.

³³ Мережко А.А. Социология права Н.С. Тимашева. Одесса: Феникс, 2012. С. 91.

³⁴ Как известно, дореволюционная российская юриспруденция в значительной степени ориентировалась на немецкую правовую науку; имело место и обратное влияние, хотя в меньшей степени.

Сходство, впрочем, не означает подражания — в последующих публикациях (в том числе и во «Введении») Н.С. Тимашев настоятельно указывает на расхождения с концепциями этих авторов, хотя стороннему наблюдателю эти расхождения могут показаться второстепенными. Сама по себе эта настоятельность, которую читатель без труда обнаружит на страницах публикуемой ниже книги, служит подтверждением того, как важно для Н.С. Тимашева было обосновать соотношение его собственной теории с методологическими построениями современников, показать ее оригинальность.

Это сходство подходов, несомненно, имеет свои причины в общности обсуждаемых проблем и способов их осмысления (уровня научного знания) в первые десятилетия XX в., особенно в Восточной Европе³⁵. Как справедливо подчеркивает профессор Тревиньо, это совпадение перспектив привело к тому, что сразу несколько мыслителей пришли к необходимости исследования права как социально-психологического явления и к разработке междисциплинарной методологии как такого исследования³⁶. В этом смысле Л.И. Петражицкий, О. Эрлих, М. Вебер, Н.С. Тимашев, Г.Д. Гурвич опирались на примерно один и тот же круг идей, искали примерно ту же методологическую рамку для рассмотрения права одновременно как идеального (нормативного), психологического и социального явления³⁷. Конечно, каждый из названных мыслителей подходил к оценке этих идей и формулировке своих ответов на эти вопросы по-своему³⁸. То, что сферой исследований О. Эрлиха изначально было римское право, Л.И. Петражицкий пришел к своей теории через изучение отдельных вопросов доктрины гражданского права, а Г.Д. Гурвич —

³⁵ См., напр.: Antonov M. Russian Legal Realism and Transdisciplinarity in Social Sciences at the Turn of the XXth Century // Revista europea de historia de las ideas políticas y de las instituciones públicas. 2017. No 10.

³⁶ Treviño A.J. Toward a General Theoretical-Methodological Framework for the Sociology of Law: Another Look at the Eastern European Pioneers. P. 200–202.

³⁷ Напр.: Treviño A.J. Introduction to the Transaction Edition // Petrazycski L. Law and Morality. New Brunswick: Routledge, 2011. P. IX–XXVIII.

³⁸ О различии методологических подходов Л.И. Петражицкого и О. Эрлиха см., напр.: Тимошина Е.В. Л.И. Петражицкий vs. Е. Эрлих: два проекта социологии права // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 5. С. 77–96.

через социально-философские исследования, не могло не наложить определенный (хотя, конечно, не определяющий) отпечаток на их последующее творчество. Путь Н.С. Тимашева к социологии права также оказался сложным — он начался через изучение проблем криминологии.

В годы учебы в Санкт-Петербургском университете, Н.С. Тимашев под впечатлением работ А.А. Жижиленко начал исследовать ряд социологических аспектов теоретической юриспруденции³⁹. Первоначально исследование шло через изучение теории условного осуждения и проблематики наказания. Этой теме была посвящена магистерская диссертация 1914 г., где молодой исследователь, помимо прочего, ставит вопрос о механизме действия права⁴⁰. Этот механизм ему представляется неразрывно связанным с механизмом публичной власти: именно эта связь, с одной стороны, отличает право от этики и других нормативных механизмов и, с другой стороны, отличает публичную власть от принуждения, основанного исключительно на силе.

Этот ключевой для своей последующей теории тезис Н.С. Тимашев развивал, опираясь прежде всего на предложенное Н.М. Коркуновым понимание того, что действие власти и права возможно только благодаря сознанию подчиненных масс, их особому психологическому настрою⁴¹. Уголовное наказание, как и любая правовая санкция, выражает официальное осуждение поведенческого акта, но эффективность этого наказания зависит от соответствия между официальным осуждением и осуждением поступка среди населения. Если это соответствие будет утрачено, то уголовное наказание будет формировать своего рода «культ героев», поступки которых положительно оцениваются в обществе, а официальное право теряет свою легитимность. Цели уголовной политики (предотвращение будущих преступлений, укрепление правопорядка,

³⁹ В своей первой, еще студенческой работе мыслитель сформулировал тезис о том, что успешное развитие позитивного права зависит от того, учитывают ли правотворческие органы тенденции общественного развития, которые проявляются в культуре (Тимашев Н.С. Тенденция развития, как объективный критерий правильного права // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 10).

⁴⁰ Тимашев Н.С. Условное осуждение. Пг., 1915.

⁴¹ Мережко А.А. Социология права Н.С. Тимашева. С. 20.

легитимация власти) должны опираться на коллективные этические убеждения населения, в чем молодой исследователь видит ключевое отличие правового наказания от мести или расправы, пускай даже осуществляющей при помощи суда.

Для оценки возможности и успешности возможного введения в дореволюционный российский правопорядок института условного осуждения, молодой ученый указал на важность исследования того, как общество (уже в этой работе он характеризует общество как «биopsихологическую коллективную реальность») будет реагировать на предписания властей и при каких условиях эти предписания могут оказаться эффективными или неэффективными. Анализ уголовного наказания и любого правового института должен опираться на исследование структуры данного общества и распространенной в нем правовой культуры, что позволит выявить механизмы, влияющие на развитие в сознании преступников психологических механизмов, препятствующих дальнейшему движению по преступному пути⁴². По убеждению исследователя, грамотная уголовно-правовая политика должна опираться на изучение механизма действия как официального права, так и того интуитивного права, которое определяет правосознание людей, и за счет этого обеспечить большую эффективность официальных правоположений⁴³.

Изучение действия права в обществе и эффективности правовых предписаний в зависимости от социально-психического контекста отдельных обществ развивается Н.С. Тимашевым на примере религиозных верований населения. В вышедшей в 1916 г. монографии молодой автор рассуждает о том, как совместное действие религии и права и максимально возможное согласование их предписаний могло бы способствовать более эффективному действию и того, и другого нормативного регулятора в социальной среде. В качестве вывода по результатам анализа действующего в то время уголовно-правового регулирования защиты чувств верующих (если здесь использовать аналогичный термин современного

⁴² См.: Малинов А.В. Формирование социологической концепции Н.С. Тимашева // Вече. Альманах русской философии и культуры. 2002. № 13.

⁴³ Тимашев Н.С. Условное осуждение. С. 391.

российского права), Н.С. Тимашев выдвигает тезис о необходимости предоставления уголовно-правовой защиты тому комплексу эмоционально-интеллектуальных представлений, что он называл «религиозным строем общества»⁴⁴.

Эта идея расходилась с превалирующими убеждениями либеральных мыслителей того времени о необходимости отказа от правовой защиты религиозных чувств и представлений. Молодой исследователь аргументирует эту точку зрения ссылками на то, что религиозные представления лежат в основе правосознания многих членов общества. Лишение этих представлений эффективной правовой защиты будет способствовать расшатыванию правовой культуры и росту правового нигилизма⁴⁵. При этом связь определенной конфессии (православия) с довлеющей государственной идеологией казалась ему незначимой для обоснования необходимости уголовно-правовых запретов в этой сфере; поэтому Н.С. Тимашев выступал за предоставление правовой охраны религиозным чувствам вне зависимости от конфессиональной принадлежности.

В написанной в 1917 г. работе о преступном возбуждении масс⁴⁶ Н.С. Тимашев удачно применил методы социологического анализа для демонстрации того, как революционная пропаганда может постепенно ослабить или даже уничтожить правовое регулирование, если дать ей возможность формиро-

⁴⁴ Тимашев Н.С. Религиозные преступления по действующему российскому праву. Пг., 1916.

⁴⁵ Там же. С. 16. См. также: Тимашев Н.С. Проблема невмешательства в уголовном праве // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 10.

⁴⁶ Эта двухтомная работа, написанная в качестве докторской диссертации, так и не была опубликована — в настоящее время она хранится в архивах Публичной библиотеки. Вышла в свет только статья: Тимашев Н.С. Преступное возбуждение масс по действующему русскому праву // Журнал министерства юстиции. 1914. № 10. В этой статье кратко изложены основные положения докторской диссертации Тимашева под тем же названием. Анализируя архивы Петроградского университета, Ю.О. Долгая приходит к правдоподобному выводу, что эта диссертация, подготовленная в начале 1917 г., так и не была защищена. В литературе встречаются и другие точки зрения. В предисловии к манускрипту 1917 г. Тимашев пишет о том, что считает нужным его переработку в связи с революционными событиями 1917 г., что, возможно, и стало причиной — наряду с общей нестабильностью общественной и университетской жизни — того, что книга так и не была опубликована Тимашевым (Долгая Ю.О. «Рыцарь права, закона и справедливости» (к творческой биографии Н.С. Тимашева) // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1. С. 209–215).

вать образцы поведения и лежащие в их основе эмоциональные представления у значительного количества людей. Данное исследование основано на социологическом наблюдении того, как антилегальные образцы поведения распространяются «среди тех, кто не может противопоставить прививаемым мотивам достаточного количества задерживающих представлений»⁴⁷ и, с течением времени, замещают собой правовые предписания, лишая их эмоциональной силы. Со временем такой антиправовой настрой утрачивает связь с индивидуальными действиями и представлениями и становится частью коллективного убеждения народных масс. В этом ключе Н.С. Тимашев обосновывал необходимость уголовного запрета «преступного возбуждения масс» и строгой уголовной ответственности за такого рода действия, непротивление которым постепенно приведет к существенному изменению самой системы правового регулирования, где на место закона станет произвол и усмотрение революционеров.

В этой связи мыслитель скептически относится к демократическим идеалам правительства А.Ф. Керенского, которое не решалось запретить подрывную пропаганду большевиков и иных деструктивных движений. Эта идеалистическая точка зрения основывалась на высоких принципах демократии, но не учитывала ни реального содержания этой пропаганды и ее следствий — порождаемых ею эмоциональных образов и формируемых тем самым антилегальных образцов поведения у широких слоев населения⁴⁸. По убеждению Н.С. Тимашева, правовое регулирование должно основываться на реалистичном анализе каждого конкретного общества, существующих структур социального взаимодействия и лежащей в их основе культуры — это стало основным принципом, вокруг которого формируется его социолого-правовая теория впоследствии. Мыслитель предупреждал об опасностях чрезмерного либерализма в условиях того времени и применительно к уровню правовой культуры в России, призывая к формулированию

⁴⁷ Тимашев Н.С. Преступное возбуждение масс по действующему русскому праву. С. 6.

⁴⁸ Timasheff N.S. Political Power in the Soviet Union // The Review of Politics. 1952. No 14 (1). P. 17.

уголовно-правовых запретов с учетом реальных социальных условий⁴⁹. Одним из результатов проведенного исследования стал подготовленный Тимашевым для Временного правительства законопроект против подрывной пропаганды, который так и не был принят.

В своей работе о преступном возбуждении Н.С. Тимашев сформулировал блок представлений о коллективно-психологической реальности права и изменений в нем, что потом лягут в основу теории, описанной в статье 1922 г. и затем — во «Введении в социологию права» 1939 г. Опираясь на биографические заметки самого автора, можно сказать, что «Коллективно-психологическая реальность права» и отчасти «Введение» стали теоретическим осмыслением наблюдений мыслителем за тем, как действовало дореволюционное российское право в плане противодействия революционной пропаганде и почему это действие не могло стать эффективным, а сама эта пропаганда со временем трансформировалась в правопорядок Советской России.

Но уголовно-правовая проблематика не была единственным аспектом, который послужил мыслителю источником вдохновения для развития его социолого-правовых представлений. Основным направлением исследований Н.С. Тимашева после эмиграции в 1921 г. стали исследование причин и следствий русской революции. Изучение советской политической и правовой системы не могло не подтвердить его исходный тезис о неразрывной взаимосвязи этической и императивной координации, на водоразделе между которыми и образуется право. Исследователь неоднократно подмечал различия между официальным советским правом («правом в книгах») и тем, что реально применяется на практике в качестве обязательных для соблюдения образцов поведения («право в действии»), указывая на решающую роль в правовом регулировании инструкций, что исходили от партии, и общего «этического настроя», который партия насаждала в народных массах. Формальное верховенство советов и принимаемых ими правовых норм нивелировалось практикой систематического

⁴⁹ Тимашев Н.С. Сообщества, направленные на преступное возбуждение масс // Право. Еженедельная юридическая газета. Пг., 1916. № 29 (24 июля); № 30 (31 июля).

вмешательства большевистской партии в выборы советов и всеобъемлющего контроля их деятельности.

В гораздо большей степени, чем дореволюционное российское право и современное Н.С. Тимашеву западноевропейское право, советская правовая система демонстрировала, что формальные правовые установления (законы и подзаконные акты) решительным образом расходились с теми образцами поведения, что фактически вменялись людям в качестве обязательных. Реальную принудительную силу имела не система формально-юридических установлений советских властей (по факту, они действовали лишь при условии непротиворечия главенствующей идеологии), а политическая доктрина партии, составной частью которой была коммунистическая мораль. Понять советское право поэтому можно было не столько на основании текстов законов, сколько через анализ того, какие из этических представлений поддерживались и насаждались партией и какое действие эти представления имели на правоприменителей⁵⁰.

На примере советского права перед мыслителем вставала типичная для социолого-правовых исследований проблематика взаимоотношения официального и живого права. Она едва просматривалась в его дореволюционных работах и была второстепенной в его статье 1922 г. о коллективно-психологической природе права, но стала одной из основных в книге 1939 г. Вопреки широко распространенному в западных исследованиях того времени мнению о антиправовом характере советского права, Н.С. Тимашев подчеркивал, что его природа та же самая, что и у права западных демократий — координация властными институтами поведения на основе этических представлений, и что поэтому советское право вполне может именоваться таковым, даже если властные институты функционируют по иным правилам, а советская мораль в некоторых аспектах радикально отличается от принципов христианской этики⁵¹.

⁵⁰ Тимашев Н.С. 1) Советы и коммунистическая партия // Русская мысль. 1922. Кн. 5. С. 135–154; 2) Soviet Law // Virginia Law Review. 1952. № 38 (7). Р. 871–885.

⁵¹ Тимашев Н.С. Советское право в американском освещении // Новый журнал. 1951. Кн. XXVI. С. 294–295.

Н.С. Тимашев приобрел известность на Западе более как советолог, способный под покровом идеологических конструкций о советской законности и официальных норм советского права четко распознавать сущность советской правовой системы и стоящего за ней политического режима, описывать реальный механизм ее действия. Отчасти продолжая свои дореволюционные исследования, ряд работ Н.С. Тимашев посвятил советскому уголовно-правовому законодательству⁵², устройству системы права⁵³ и правовому регулированию положения Церкви в СССР⁵⁴. В этом последнем аспекте расхождение между декларативными положениями советского права, гарантирующими свободу религии, и реально применяемыми на практике репрессивными правилами, между правом в жизни и бумажным правом, проступало с особой отчетливостью⁵⁵.

В 1932 г. П.А. Сорокин пригласил Н.С. Тимашева к работе (сначала заочной) над уголовно-правовым блоком его масштабного исследования по социальной динамике. Отведенный мыслителю фронт работ предполагал сравнительный анализ изменений уголовно-правового регулирования в европейских странах в исторической перспективе (начиная со средневековья до XX в.) с целью установления направления развития уголовно-правовых запретов и динамики роста или уменьшения строгости уголовного наказания. Вывод Н.С. Тимашева об отсутствии линейной закономерности исторического развития в этих аспектах сочетался с общим тезисом его теории о том, что развитие права зависит от культурной эволюции общества и что на создаваемые и применяемые людьми нормы права огромное влияние оказывают их интеллек-

⁵² Тимашев Н.С. 1) Судоустройство; 2) Уголовное судопроизводство / Ред. Н.Н. Алексеев и др. // Право Советской России. Прага, 1925. Вып. 2. С. 213–244; 245–264; 3) Введение в изучение уголовно-судебного права. Прага, 1925.

⁵³ См. напр.: Тимашев Н.С. Политическое и административное устройство СССР. Париж, 1931.

⁵⁴ Тимашев Н.С. 1) Церковь и Советское государство // Путь. 1928. № 10. С. 53–86; 2) Кодификация советского церковного права // Путь. 1929. № 17. С. 54–61.

⁵⁵ На роль советологических исследований Тимашева при формировании его социолого-правовой концепции особенно указывает Дэйвид Шифф (Schiff D. N.S. Timasheff's Sociology of Law. P. 419).

туальные и эмоциональные представления о праве и власти, а также общий этический настой в обществе. Наряду с советологическими исследованиями мыслителя, этот блок материала об истории развития уголовно-правового регулирования послужил Н.С. Тимашеву богатым источником примеров о взаимосвязи культуры, этики, политики и права в социальной действительности различных обществ.

Тезис о том, что взаимодействие этических убеждений и политической власти приводит к появлению права, был суммирован и развит на французском языке в статье, вышедшей в 1936 г. в издаваемом Г.Д. Гурвичем журнале⁵⁶. В ней обрисовывался обновленный (по сравнению со статьей 1922 г.) методологический подход, где доминировали характерные для американской социологии середины 1930-х гг. идеи. Эта и другие опубликованные в те годы работы⁵⁷ представляли собой подготовительные материалы ко «Введению» и затем были воспроизведены в этой книге.

К написанию «Введения» Н.С. Тимашева подтолкнули разного рода практические обстоятельства. После нескольких лет сотрудничества с П.А. Сорокиным в рамках проекта по исследованию социальной динамики, в 1936 г. Н.С. Тимашеву поступило приглашение Гарвардского университета прочесть гостевые лекции на социологическом факультете. Это приглашение, полученное при активном содействии П.А. Сорокина, ученый незамедлительно принял и в том же году начал читать лекции по социологическим основам права, по социальным реформам в Европе и по индивидуализации уголовного наказания⁵⁸. В следующем году предложение остаться в Гарварде в качестве *visiting professor* было продолжено, что дало Тимашеву стимул для написания «Введения» по материалам его лекций⁵⁹. Кстати, в этой книги можно без

⁵⁶ Timasheff N.S. L'éthique, le droit, le pouvoir // Archives de philosophie de droit et de sociologie juridique. 1936. No 6. P. 131-165.

⁵⁷ См. напр.: Timasheff, N.S. What Is “Sociology of Law”? // American Journal of Sociology. 1937. No 43 (2). P. 225–235 (русский перевод: Тимашев Н.С. Что такое социология права // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 107–112).

⁵⁸ Total of Fifteen Guest Lectures Here For 1936–1937. URL: <https://www.thecrimson.com/article/1936/9/29/total-of-fifteen-guest-lecturers-here>.

⁵⁹ Тимашев Н.С. Как я стал социологом. С. 128.

труда найти также материалы по двум другим лекционным курсам, что автор читал в 1936 г. в Гарварде — социальные реформы и криминология.

Вместе с тем, позиция приглашенного профессора была нестабильным источником существования и Тимашеву пришлось задуматься над поиском постоянного места академической работы, тем более что в 1939 г. он вывез из Франции свою семью. Эта жизненная ситуация отложила отпечаток на стиль работы и на выбор литературы, на которую опирался автор. Основным референтом для иллюстрации актуальности своего социолого-правового проекта для американского научного сообщества Тимашев выбирает Р. Паунда. Работы этого ученого цитируются Тимашевым чаще всех остальных, что объясняется, наряду с известной схожестью методологических подходов, чисто прагматическими соображениями — Роско Паунд был деканом юридического факультета Гарвардского университета до 1936 г., одним из влиятельнейших американских правоведов, и мог поспособствовать карьерному росту Тимашева. Нацеленность на получение места университетского преподавателя также объясняет и пропедевтический стиль работы, которая, с одной стороны, частично опиралась на прочитанные Тимашевым в те годы лекции для гарвардских студентов-социологов и, с другой, была предназначена для гарвардских студентов-юристов⁶⁰. Обсуждение литературных источников было специально вынесено автором в приложения к каждой из глав, где Тимашев давал беглый обзор и достаточно поверхностный (в объеме, достаточном для студентов бакалавриата — Тимашев читал эти лекции для студентов второго курса) основных работ по теме соответствующей главы⁶¹.

⁶⁰ Проф. Новицкий упоминает о том, что написанное Тимашевым «Введение» было рекомендовано Р. Паундом для студентов юридического факультета Гарварда как учебное пособие по социологии права (Новицкий Г.И. Жизненный и академический путь профессора Н.С. Тимашева. С. 18).

⁶¹ В настоящем издании эти обзоры (как правило, 2–3 страницы мелким шрифтом) не приводятся. Это решение было принято по причине их неактуальности на настоящий момент и для большей части российского научного сообщества. Поскольку эти обзоры были выделены Тимашевым в формат отдельных приложений, их исключение не повлияет на восприятие целостности рассуждений автора.

Профессор И.А. Голосенко считает, что книга 1939 г. была «не просто скромным введением, а развернутой программой социологической теории права, не имеющей аналогий в этой области, к тому же построенной очень четко и предельно объективно в своей критической части»⁶². Но в американской научной среде она была принята столь восторженно далеко не всеми и, как показано выше на примере оценки книги рецензентами, дебют Н.С. Тимашева в качестве американского социолога в 1939 г. нельзя считать особо успешным. В любом случае, искомого результата эта публикация не достигла — точки зрения юристов, социологов и философов на право остались столь же далеки друг от друга, а сама теория мыслителя, как оказалось, опиралась на методы, несовместимые с посылками правового реализма⁶³.

Этим может объясняться то, что если во «Введении» Н.С. Тимашев пытается совместить свои идеи с принципами правового реализма, то в последующих работах он склонен критиковать это направление за то, что оно сосредотачивается на переменных величинах (вроде характера судьи или распространенных в том или ином сообществе мнений), но игнорирует постоянные факторы, которые влияют на формирование этих величин (культура, стиль мышления). Эти факторы проявляются в средневзятом поведении судей — они обычно ориентируются на правовые нормы и те ценности, которые этими нормами защищаются, что обеспечивает унификацию правового регулирования в обществе⁶⁴. Мыслитель не согласен с реалистами и в том, что не считает те идеальные образцы поведения, которые навязываются людям через нормы, мистическими представлениями или воображаемыми действиями. Нормы имеют своего рода реальность и способны изменять поведение людей. Реалистическая критика правовых норм как «мертворожденных», как

⁶² Голосенко И.А. Николай Тимашев как историк социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3 (2). С. 32.

⁶³ Sheskin A. A Critical Review and Assessment of the Sociology of Law // Mid-American Review of Sociology. 1978. No 3. P. 109–124.

⁶⁴ Timasheff N.S. Sociologist's Contribution to the Law // Virginia Law Review. 1946. No 32 (4). P. 818–834.

считает Н.С. Тимашев, эмпирически опровергается тем, что принятие юридических образцов поведения зачастую равнозначно формированию стандартизованных поведенческих наклонностей.

Впрочем, мыслителю все же удалось найти для себя подходящую академическую позицию. Этим местом оказался католический Фордемский университет (в Нью-Йорке), где Тимашеву в 1939 г. было предложено место профессора социологии. Это предложение он принял и с 1940 г. начал читать лекции по социологии и советологии. Это карьерное развитие оказало двоякое влияние на научные исследования Н.С. Тимашева. С одной стороны, он постепенно отошел от правовой проблематики и сосредоточился на социологических исследованиях, включая анализ изменений в советском обществе и изучение истории социологической мысли. П.А. Сорокин так резюмировал творческую эволюцию Н.С. Тимашева: «начав свою университетскую карьеру в качестве юриста, он впоследствии приобрел наибольшую известность как социолог»⁶⁵. С другой стороны, мыслителю в качестве преподавателя католического университета нужно было более аккуратно подходить к дискуссиям по этическим и религиозным вопросам, которые были частично затронуты во «Введении» и описаны скорее в терминах релятивизма⁶⁶. Нельзя также не отметить и маргинальность позиции ученого из частного католического вуза в американской науке — недостаток новой позиции Н.С. Тимашева, на который ему сразу указал П.А. Сорокин, высказав опасения, что по этой причине его товарищ не сможет получить заслуженного признания⁶⁷.

Это карьерное развитие отчасти позволяет понять дальнейшую логику акцентирования научных интересов мыслителя на изучении и критике советского строя, разработке общетеоретических вопросов. В этом отношении особенно заметными стали его книги «Три мира», «Великое отступление»

⁶⁵ На темы русские и общие: сб. ст. и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева / Ред. Н.Н. Полторацкий, П.А. Сорокин. Нью-Йорк, 1965. С. 3.

⁶⁶ Scheuer J.F. Nicholas S. Timasheff and the Sociology of Recurrence // Thought: Fordham University Quarterly. 1965. No 40 (3). P. 432–448.

⁶⁷ Treviño A.J. On Nicholas S. Timasheff's An Introduction to the Sociology of Law. P. 202.

и «Социологическая теория: ее природа и рост»⁶⁸. В дальнейшем Тимашев разовьет изложенный во «Введении» подход в своей общесоциологической теории, где он делал опору на изучение повторяющихся взаимодействий в обществе (социальных отношений), их структуры и изменения. Эта теория основывалась на трех основных аспектах: социальный порядок, каузальная связь социальных явлений и вероятность их изменения⁶⁹.

Но вернемся к обрисованной во «Введении» теоретической модели. Социологическое понимание права для Тимашева предстает в качестве одной из отраслей общей теории общества, что обуславливает зависимость методологических установок социологии права от той или иной общесоциологической теории. Трудно определить, на какую конкретную модель социологического знания преимущественно опирался Н.С. Тимашев при написании «Введения», где он пытается интегрировать сразу несколько теорий. С одной стороны, он обильно цитирует различную литературу и множество авторов по предмету. С другой, делает достаточно много критических комментариев по отношению к большинству из цитируемых авторов, и, если и одобряет тот или иной подход, то только по какому-тоциальному отдельному вопросу. Таково, в частности, было его отношение к другим «классикам» социологии права, включая М. Вебера, О. Эрлиха, Г.Д. Гурвича (этому последнему мыслителю Н.С. Тимашев посвятил много позитивных отзывов по тексту книги, хотя не обошел критикой и его представления⁷⁰), от «ошибок» которых он старательно защищает свою теорию. Пожалуй, только в адрес Роско Паунда (во «Введении» цитируется порядка двадцати его разных работ) не было высказано прямых критических замечаний.

⁶⁸ Timasheff N.S. 1) Three Worlds: Liberal, Communist, and Fascist Society. Milwaukee: Bruce Publishing Co., 1946; 2) The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. New York: E.P. Dutton & Co., 1946; 3) Sociological Theory: Its Nature and Growth. Garden City. N.Y.: Doubleday and Co., 1955.

⁶⁹ Timasheff N.S. Order, Causality, Conjuncture // L. Gross (ed.) Symposium on sociological theory. N.Y.: Row, Peterson & Co., 1959. P. 145–164.

⁷⁰ О характеристике, которую Г.Д. Гурвич дал «Введению» Тимашева, см.: Брюханова Т.В. «Введение в социологию права» Н.С. Тимашева в критике Г.Д. Гурвича // Закон и право. 2008. № 9. С. 35–36.

В том, что Н.С. Тимашев рассматривает право как исходящее непосредственно из социальных сообществ и основывает свой анализ на фактах, легко усмотреть влияние теории О. Эрлиха. Однако Н.С. Тимашев обращает внимание на то различие, что ему кажется ключевым по сравнению с представлениями автора «Основоположения социологии права» — рассмотрение права с фактической точки зрения в качестве навязанного поведения, а не мирного добровольного социального порядка. Как и кем оно навязывается, в каких пределах — основные вопросы, которые Н.С. Тимашев считает предметом социологии права. В этом плане он отличает социологию права как дескриптивную науку от юриспруденции как нормативной науки — первая рассматривает факты и каузальную связь между ними, вторая — связи между нормами и нормативные следствия, вытекающие из этой связи.

Мыслитель пытался провести это деление достаточно строго, критикуя О. Эрлиха за попытки ввести фактологический анализ в пределы юриспруденции как нормативной науки — в этом он присоединяется к известной критике со стороны Г. Кельзена⁷¹. В свете последовавших за «Основоположением» работ О. Эрлиха можно усомниться, насколько эта интерпретация учения австрийского правоведа была правильной и насколько радикально научные проекты Кельзена и Эрлиха расходились между собой⁷².

Проф. Шифф небезосновательно считает, что основным замыслом «Введения» был «анализ права исключительно с точки зрения факта и создание полностью реалистической теоретической модели социологии права»⁷³. Эта опора на факты не приводила к отрицанию нормативного (оценочного) момента ни у Н.С. Тимашева, ни у О. Эрлиха — первый, в частности, пытался доказать, что нормы можно изучать не

⁷¹ Антонов М.В. Дискуссия Ганса Кельзена и Ойгена Эрлиха // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 604–644.

⁷² Антонов М.В. 1) Путь и перспективы правового учения Ойгена Эрлиха // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 39–50; 2) Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма? // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 1. С. 151–175.

⁷³ Schiff D. N.S. Timasheff's Sociology of Law. P. 400.

только как деонтические категории, но и как фактические силы, которые влияют на сознание человека и через это влияние определяют его поведение. Другое дело, что изучение этих двух аспектов (нормативного и фактического) неразрывно связаны между собой — поэтому Н.С. Тимашев присоединяется к критике Г. Кельзеном идей О. Эрлиха за то⁷⁴, что изучение фактических поведенческих актов вне их идеационной связки с теми нормами, с которыми человек об разовывает свое поведение, решительным образом исказило бы суть права и механизма его действия.

Позиция Н.С. Тимашева также очень напоминает идеи Г.Д. Гурвича о юридическом опыте и его определение социального права как основанного на внутреннем согласии членов социальной группы по поводу уравновешивания ключевых ценностей и того, как они должны реализовываться в данной группе, как в этой связи должны распределяться права и обязанности⁷⁵. В описании Н.С. Тимашева социальная группа также основывается за счет того, что люди организуют свое общение вокруг определенного консенсуса по поводу того, как следует регулировать взаимные права и обязательства. Так же как и в теории социального права Г.Д. Гурвича, социальное равновесие, по мнению Н.С. Тимашева, отражает наличие и эффективность этого консенсуса. Причем важно, чтобы это равновесие соответствовало представлениям большинства членов этой социальной группы об общем благе.

Мыслитель допускает в свое определение права оценочное суждение касательно того механизма политической власти, который действует в обществе — правом является не любаяластная координация, а только та, которая исходит не от деспотических правителей (тех, кто не считает себя самих связанными нормами). Деление между деспотическими

⁷⁴ Эта критика не была во всех отношениях безупречной; в некоторых аспектах Г. Кельзен неверно охарактеризовал мнения О. Эрлиха, в связи с чем тот в своих последующих работах (например, «Юридическая логика» 1918 г.) дал подробные комментарии о своем видении разграничения фактическости и нормативности в праве. См.: Антонов М.В. Запоздавшая реплика: об одной из последних работ Ойгена Эрлиха // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 320–331.

⁷⁵ Легофф Ж. Гурвич и социальное право // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 5. С. 97–111.

и правовыми формами правления соответствует тому, насколько правители связывают себя не только нормами права, но и общепризнанными представлениями об общем благе⁷⁶. Критериями качества социального порядка и, соответственно, условиями развития правового порядка в данной социальной группе Н.С. Тимашев видит интеграцию (концентрацию усилий отдельных людей по достижению определенных целей), эффективность их усилий применительно к достижению целей и справедливость в выборе целей и средств их достижения (совпадение мировоззренческих представлений людей). При совпадении этих трех условий возможна успешная координация поведения людей при помощи права.

Изложенная во «Введении» теория удивляет своим масштабом и амбициями, что было отмечено практически всеми рецензентами и критиками этой книги. Эта теория предполагает, с одной стороны, ориентацию на эмпирические данные и, с другой, тесную кооперацию между социологией, общей теорией права, философским учением о ценностях, что делает возможным объяснение развития права как одного из проявлений единства в общественной жизни. Важнейшей задачей такой междисциплинарной теории права автор видит анализ причин и условий возникновения правовых отношений между отдельными индивидами. В этом отношении можно заметить немаловажное различие между статьей о коллективно-психологической природе права и книгой о введении в социологию права.

Статья 1922 г. опирается на изучение коллективно-психологического опыта, который по сути представляет собой не результат эмпирического анализа, а мыслительный образ, при помощи которого Н.С. Тимашев пытается доказать, что коллективное давление в социуме может служить проводником ценностей и за счет этого выступать как источник обязывающей силы для социальных норм⁷⁷. Это коллектив-

⁷⁶ См. критику со стороны проф. Тревиньо такого политического идеализма Н.С. Тимашева: Treviño A.J. On Nicholas S. Timasheff's An Introduction to the Sociology of Law. P. 207–210.

⁷⁷ Антонов М.В. Обязывающая сила права как коллективно-психологическое явление? // Проблемы методологии и философии права / Под ред. С.Н. Касаткина. Самара: СГА, 2016. С. 56–67.

ное давление предстает как априорный факт общественной жизни, реальность которого мыслитель постулирует как отправную точку своих рассуждений о праве.

В книге 1939 г. Н.С. Тимашев выдвигает упрек социальной метафизике, которая создает общие схемы объяснения социальной действительности, а потом подгоняет под эти схемы конкретные проявления этой действительности. С этой критической точки зрения, коллективное давление уже не может быть принято как аксиома. Для мыслителя, наоборот, первостепенное значение имеют первичный психологический опыт взаимодействия людей между собой и те ценности, которые позволяют говорить о правовом характере взаимодействия. То, что эти ценности получают поддержку за счет коллективного давления, является не причиной их возникновения, а следствием того факта, что вокруг этих ценностей было сформировано коллективное убеждение. Именно в направлении изучения того, как ценности раскрываются в образцах поведения, интуитивно распознаваемых людьми по той причине, что эти образцы интегрированы в коллективное убеждение, и как за счет повторения этих образцов на практике они обретают нормативную силу, Н.С. Тимашев хотел развить свою социолого-правовую концепцию, как он признается в статье 1944 г.⁷⁸ Другой важный момент, который остался без внимания во «Введении», но который имеет крайне важное значение для юристов — «как интуитивное распознание ценностей напрямую выражается в словесных формулировках и как эти формулировки входят в систему идеальных образцов поведения для того, чтобы создать новые поведенческие установки»⁷⁹.

Бихевиористский метод, использованный Н.С. Тимашевым в книге 1939 г., не позволял изучение этих аспектов правовой реальности. Своей задачей во «Введении» мыслитель считал каузальное изучение этики и власти, установление путей, которыми правовые нормы могут изменять этику и власть и, с другой стороны, навязывать предписания этики

⁷⁸ Timasheff N.S The Social Reality of Ideal Patterns. P. 78.

⁷⁹ Ibid. P. 79.

и власти людям. Основной тезис Н.С. Тимашева в этом отношении достаточно банален — эффективность власти и правового регулирования зависит от того, на какие ценности опирается власть и насколько ей удается убедить в этом население в целом и каждого конкретного гражданина. Задача властных органов — выявить эти ценности и построить такую систему регулирования, которая воспринималась бы людьми как исходящая от них самих. Таков идеал демократии для Н.С. Тимашева⁸⁰.

Перспектива коллективного сознания играет важную роль для объяснения механизма межличностного общения и действия регламентирующих это общение правил. Во «Введении» автор объясняет интуитивное (социальное) право тем, что определенные, сложившиеся в коллективном сознании правила воспринимаются членами группы как их собственные жизненные принципы, за счет чего реакция на противоправное поведение, нарушающее эти представления, может происходить полуавтоматически, вызывая спонтанную реакцию на нарушение. Н.С. Тимашев вроде как примиряет коллективное и индивидуальное, но приоритет в его эксплицитивных схемах по-прежнему принадлежит коллективному опыту, в котором кристаллизируются культурные ценности. Уточнение взаимосвязи между коллективным и индивидуальным юридическим опытом, между позитивным правом и живым (интуитивным) правом — другая задача развития социолого-правовой концепции, что мыслитель поставил перед собой применительно к подготовке нового издания «Введения»⁸¹.

В этом отношении мыслитель проявляет типичную для европейской традиции социальной философии ориентацию на ценности — он исходит из того, что поведение человека в значительной степени определяется отношением к ценностям: отвержение негативных ценностей и поддержка позитивных ценностей определяют создаваемую в обществе

⁸⁰ Feldbrugge F. Nicholas Timasheff's Views on the Role of Freedom in Russian History // Review of Central and East European Law. 2010. No 35 (1). P. 1–5.

⁸¹ Тимашев Н.С. Развитие социологии права и ее сфера. С. 488.

систему власти и то право, которое эта власть создает или признает. Отношение людей к ценностям может быть определено и описано через наблюдение за поведением людей. Отсюда основной задачей своей социолого-правовой концепции Н.С. Тимашев видел обобщение социологических наблюдений за фактическим поведением людей и их этическими представлениями, создание теории на основе этих наблюдений. С этой перспективы право могло быть представлено как сочетание власти и этики, функция которого заключается в навязывании образцов поведения конкретным индивидам. Реализация этой функции постепенно учит людей примерно одинаково распознавать идеальные образцы поведения, что заложены в коллективном убеждении. Практика применения этих образцов властными органами и возможное их закрепление в правовых текстах способствуют дальнейшей униформизации ценностного опыта и появлению поведенческих стереотипов, основанных на таком обобщенном опыте — это объясняет, почему право значимо для обеспечения согласованности фактического поведения. Право поэтому определяется как точка пересечения этики и власти, где они своими совместными усилиями подчиняют правилам поведение людей — точка зрения, которая чем-то напоминает «мораль права», которая будет описана Лоном Фуллером через несколько десятилетий после публикации «Введения»⁸².

Этот представляемый Н.С. Тимашевым образ права как связки власти и этики позволяет дать объяснение тому, как формируются тенденции к правомерному поведению и укрепляются, не встречая сопротивления или пользуясь поддержкой публичной власти. Сначала эти тенденции работают как идеальные образцы, к которым люди по разным причинам приспосабливают свое поведения, а потом они становятся полуавтоматическими и действуют наподобие механизма «стимул-рефлекс», постепенно формируя правовую культуру общества. Благодаря этой культуре формируется консенсус по поводу ценностей, который в праве выражается через принципы. Стабильность такого выражения обеспечивается под-

⁸² Фуллер Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007.

держкой политических институтов, которые за счет связи с принципами права обеспечивают себе признание у населения и эффективное взаимодействие с различными институтами общества.

Эта конструкция может напоминать построение, характерное для религиозных идеалов «соборности», «симфонии» или их западных аналогов. Возможно, в этом нет ничего особо удивительного, поскольку Н.С. Тимашеву, по свидетельству его близких и коллег, была свойственна глубокая религиозность, укорененность его мысли в православной интеллектуальной традиции⁸³. Также как для многих его современников (в качестве типичных примеров можно привести переработку правовых теорий в духе православной религиозности П.И. Новгородцевым или С.Л. Франком), революционные потрясения в России дали мыслителю стимул для религиозного переосмыслиния своего мировоззрения. В любом случае, несомненно, что социолого-правовая концепция Н.С. Тимашева основана на пережитом им жизненном опыте русской революции и интеллектуальном опыте осмыслиения ее причин и результатов⁸⁴. Книга 1939 г. является — как признает сам ее автор во введении — продолжением его дореволюционных исследований и, в этом смысле, представляет собой обсуждение методологических проблем социологии права применительно к российскому дореволюционному научному дискурсу. Тем более значимой представляется публикация ее русского перевода.

М.В. Антонов

⁸³ Бобринская Т.Н. Заметки о моем отце // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 2. С. 23.

⁸⁴ Шойер Й.Ф. Социология Н.С. Тимашева. С. 123.